

Писаревский Н. Н. Значение Стоглавого Собора (1551 г.) в истории Русской Церкви // Богословский вестник 1895. Т. 2. № 6. С. 365–389 (3-я пагин.).

Значение Стоглавого собора (1551 г.) в истории русской церкви.

Много мрачнаго, непригляднаго было въ русской церковной жизни въ ту эпоху, къ которой относится Стоглавый соборъ. Тяжелое впечатлѣніе производитъ чтеніе предложенныхъ этому собору „царскихъ вопросовъ“. Правда, что царь имѣлъ въ виду указать собору только мрачныя стороны церковной жизни, не касаясь свѣтлыхъ, но все-же столько нестроений, безпорядковъ и недостатковъ, сколько ихъ указывается въ „царскихъ вопросахъ“, представляетъ картину церковной жизни и религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества того времени далеко неутѣшительную. Невѣжество духовныхъ и мірянъ по Стоглаву представляется всеобщимъ; суевѣрія, пороки были повсемѣстно и фактъ собранія собора свидѣтельствуетъ о томъ, что лучшіе представители изъ среды духовенства (митрополитъ Макарій, іерей Сильвестръ и др.) видѣли всю неудовлетворительность состоянія церковно-религіозной жизни русскаго общества и въ соборѣ видѣли единственное средство исправить современные недостатки въ церковной жизни и улучшить религіозно-нравственное состояніе клира и мірянъ. Соборъ, созванный по инициативѣ этихъ лицъ царемъ, выполнилъ свое призваніе: онъ подробно указалъ какъ исправить богослуженіе, въ которое вкрались разныя мѣстныя прибавки, несогласныя съ уставомъ, — какъ упорядочить церковное управленіе, въ которомъ замѣчалось не мало отступленій отъ общихъ каноническихъ нормъ, какъ улучшить права клира — особенно иноческаго и мірянъ, такъ-какъ нравственное состояніе современнаго собору общества

было далеко не удовлетворительно и представляло, по словамъ царя, не мало такого „чего нѣтъ даже и у иновѣрцевъ, какъ Богъ терпитъ такому безстрашію“¹⁾. Соборъ нашель, что все зло, которое приходилось ему исправлять, зависѣло отъ невѣжества, отъ недостатка просвѣщенія, а въ виду этого онъ постановилъ, чтобы заведены были училища, чтобы просвѣщеніе насаждалось какъ среди клира, такъ и мірянъ, хотя это просвѣщеніе соборъ понималъ согласно духу времени. Этотъ соборъ, по кругу бывшихъ на немъ дѣлъ, безспорно превосходилъ всѣ до него бывшіе на Руси соборы. Онъ вновь разсмотрѣлъ вопросы, которыми занимались соборы Владимірскій (1274 г.) и Московскій (1503 г.) и къ этому присоединилъ еще массу новыхъ, которые и разрѣшилъ удовлетворительно согласно нуждамъ времени. Опредѣленія его касались всѣхъ сторонъ русской церковной жизни, исключая вопросовъ догматическихъ, и Стоглавъ въ этомъ случаѣ былъ для русской церкви такимъ же сводомъ русскаго церковнаго законодательства, какимъ для государства былъ „судебникъ“ и такое значеніе признавалось за нимъ болѣе ста лѣтъ. Распространялись списки опредѣленій этого собора, отдѣльныя постановленія его переиздавались,—позднѣ духовныя власти дѣлали изъ него обипирныя выписки и извлеченія и вносили ихъ въ печатныя церковно богослужебныя книги, а власть гражданская такія-же точно выписки и извлеченія помѣщала въ своихъ указахъ и грамотахъ²⁾.

Но духъ времени оказалъ свое вліяніе и на отцевъ этого собора: недостатокъ просвѣщенія и излишняя приверженность къ обряду—главные недуги того времени—отразились

¹⁾ Стоглавъ. Изд. проф. Н. И. Субботина. Стр. 51—52. 48. 63. 66—67. 58—59. 70—71. 185—194. 225—247. 355—376—378. М., 1890.

²⁾ Смот. въ подтвержд. сказаннаго: Рукопись Троице-Сергіевой Лавры № 741 лл. 100—108. Описаніе рукоп. графа Ѳ. А. Толстого Отд. II, № 402, стр. 539. Акты Археогр. Экспеди. т. III, № 290, стр. 432—433; № 30^а, стр. 453—454; т. IV, № 327, стр. 487—488; № 335, стр. 499. Описаніе старопеч. книгъ гр. Ѳ. А. Толстого и купца Н. Н. Царскаго П. Строева. № 79, стр. 131—133. Рукоп. Румянцевскаго Музея № 381, лл. 95—116. Рукоп. Б—ки Импер. Общ. Ист. и Древ. Росс. Отд. I, № 257. Требникъ, печат. при патр. Иосифѣ 1649 г. лл. 91—104. Никоновская Скрижаль, стр. 51. Служебникъ 1653 г. л. 8-й. Кириллова книга, лл. 3 и 251. Потребникъ иновѣскій, л. 230.

па дѣятельности собора, не смотря на то, что во главѣ собора стояла такая крупная личность, какъ митр. Макарій. Его огромная начитанность, при отсутствіи критическаго анализа и научнаго образованія, не предохранила соборъ отъ нѣкоторыхъ ошибокъ и между многочисленными опредѣленіями, направленными ко благу церкви, правыми и достойными всякаго уваженія, допустила и такія, которыя послѣ послужили поводомъ къ отдѣленію отъ церкви лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ старообрядцевъ. Разумѣемъ постановленія Стоглаваго собора о двуперстіи, сугубой аллилуіи и о не стриженіи браны и усовъ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ соборъ былъ не на высотѣ своего призванія: съ одной стороны, онъ возвелъ простой обрядъ на степень догмата и отступленіе отъ этого обряда назвалъ ересью, которую предавъ анаемѣ,—съ другой—онъ допустилъ погрѣшность, канонически обосновавъ эти свои опредѣленія на постановленіяхъ иногда подложныхъ и невѣроятныхъ, хотя дѣйствительно существовавшихъ тогда въ славянскихъ рукописяхъ ²⁾. Вслѣдствіе этого, Стоглавъ, вмѣстѣ съ благотворнымъ вліяніемъ въ исправленіи и устроеніи русской церковной жизни, создалъ для русской церкви не мало непріятныхъ послѣдствій, вмѣстѣ съ несомнѣнно важнымъ значеніемъ, какое онъ долгое время имѣлъ для православія, онъ пріобрѣлъ еще болѣе важное значеніе для отдѣлившихся отъ православія старообрядцевъ. Это значеніе прежде всего касается исторіи старообрядства, развитія и утвержденія старообрядческихъ мнѣній. Стоглавый соборъ, въ этомъ случаѣ, оказалъ большую услугу старообрядству: онъ догматизировалъ

¹⁾ Стоглавъ. Изд. Проф. Н. И. Субботина. Главы: 31. 40. 42.

²⁾ Вопросъ о происхожденіи старообрядческихъ мнѣній разработанъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ, къ которымъ мы и отсылаемъ желающаго ознакомиться съ нимъ болѣе подробно: „Патріархъ Никонъ“ Проф. Н. О. Каутерева. М., 1887. Стр. 25. 58—91. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“ Проф. Е. Е. Голубинскаго—въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1892 г. т. I, стр. 51—57, 498—499. II, 34—72, 199—223. „Къ исторіи споровъ объ аллилуіи“ Г. Николаевскаго—въ „Христ. Чтен.“ за 1884 г. Матер. для Ист. Русск. церкви—въ „Чтен. Общ. Люб. Дух. Пров.“ за 1875 г., стр. 66—78. „О перестосложеніи“—въ „Правосл. Собесѣд.“ за 1869 г. ч. II, стр. 201—224. Преосв. Никанора „о перестосложеніи для крестнаго знаменія“. СПб., 1890 стр. 235—292. Проф. Нильскаго—отзывъ о происхожденіи двуперстія—въ „Протоко. СПб. Дух. Акад.“ за 1887—89 г., стр. 391.

указанныя мнѣнія и этимъ, въ силу своего авторитета, способствовалъ ихъ распространенію и укрѣпленію въ средѣ духовенства и народа. До него эти мнѣнія не имѣли силы обязательности, хотя и были довольно распространены. Возможно было, что эти обряды не получили бы значенія догмата, а потому не получили-бы и того значенія, какое имъ приписываютъ старообрядцы, и самый вопросъ объ этомъ съ теченіемъ времени неизвѣстно былъ-ли бы рѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для старообрядства. Но разъ эти мнѣнія имѣли за себя авторитетъ цѣлаго собора, онѣ непременно должны были столкнуться съ мнѣніями противными, могли быть признаны за древнее, истинное православіе и претендовать на господствующе значеніе въ церковно-обрядовой жизни русскаго народа. Это столкновение и началось при патріархахъ и особенно при патр. Іосифѣ. Главнымъ дѣломъ во дни патріарха Іосифа, по которому его патріаршествованіе доселѣ остается памятнымъ въ нашей церкви, было печатаніе книгъ. Оно совершалось и теперь точно такъ-же, какъ при прежнихъ патріархахъ, на основаніи однихъ славянскихъ списковъ, — за немногими исключеніями,—безъ сличенія съ греческими. Іосифовскіе справщики книгъ были люди ученые—въ тогдашнемъ смыслѣ слова — и замѣчательные для своего времени ¹⁾. Они трудились съ большимъ усердіемъ и напечатали столько книгъ (36 названій), сколько не печаталось ни при одномъ изъ прежнихъ патріарховъ. Однако, при всемъ своемъ усердіи, эти справщики, быть можетъ,—лучшіе люди своего времени—все-же были недостаточно подготовлены къ своему дѣлу, допускали ошибки, въ которыхъ и сами сознавались, прося себѣ прощенія ²⁾. Отсюда въ потребники, служебники и

¹⁾ Митр. Макарій. Исторія Русской Церкви. т. XI, стр. 118, 127 и дал. Срав. Его-же. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Прибавл. къ тв. св. отцевъ. Ч. XXIX, стр. 9.—Проф. Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Богословскій Вѣстникъ 1892 г. т. I, стр. 304. Н. Благовѣщенскій. О происхожденіи раскола въ Русской церкви. Труды К. Д. А. 1836 г. т. I, стр. 507.

²⁾ См. послѣсловіе къ Кирилловой книгѣ 1644 года.—Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что въ концѣ патріаршества Іосифа, исправленіе церковныхъ книгъ приняло замѣтный поворотъ къ лучшему, благодаря прибытію кіевскихъ ученыхъ; но взглядъ на этихъ новыхъ справщиковъ у русскихъ—въ

кормчую, исправленные и изданные Іосифовскими справщиками, были занесены мнѣнія благопріятныя старообрядцамъ на основаніи авторитета Стоглаваго собора, который принимается въ этихъ книгахъ за руководство для разныхъ церковныхъ исправленій¹⁾. Поэтому, преемникамъ патр. Іосифа предлежалъ трудный подвигъ, достойный великаго ума и просвѣщенной ревности, подвигъ полного и возможно точнаго исправленія книгъ посредствомъ ученаго сличенія текста ихъ съ греческими подлинными списками и съ древнѣйшими образцами славянскихъ переводовъ. Этотъ трудный подвигъ и былъ совершенъ при патр. Никонѣ, когда дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ было поставлено болѣе правильно съ согласія всей церкви русской на соборахъ 1654 и 1655 года, и когда въ основу исправленія были приняты не только древне-славянскія рукописи, но и греческія. Кромѣ того, патр. Никонъ, сознавая, что исправленіе богослужебныхъ книгъ касалось постановленій цѣлой церкви, призналъ необходимымъ совѣщаніе по этому дѣлу съ представителями восточныхъ православныхъ церквей: „умысливъ, да не едина ихъ воли, но да и совѣтъ вселенскихъ патріарховъ оныхъ книгъ о исправленіи будетъ“. Равнымъ образомъ и церковно-обрядовая сторона русской церкви была сопоставлена съ тою-же стороною церкви греческой и современный греческій обрядъ былъ признанъ нормой для церкви русской. Самое исправленіе было поручено людямъ ученымъ, хорошо знакомымъ какъ съ славянскимъ такъ и греческимъ языкомъ, а не московскимъ книжникамъ-справщикамъ, людямъ „Божественнаго писанія свѣдущимъ и еллинскаго языка навичнымъ, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умбющимъ, и латинскую рѣчь достаточно знающимъ“²⁾. Неудивительно, поэтому, что опредѣленія Стоглава, какъ несогласныя съ современною гре-

Москвѣ былъ не одинаковъ. Одни замѣтно склонились на сторону Кіевскихъ ученыхъ, а другіе отнеслись къ нимъ съ большимъ недоверіемъ и въ наукѣ, принесенной этими учеными, увидѣли страшную опасность для вѣры. Все-же кіевскіе ученые еще при патр. Іосифѣ въ 1650 году сличили уже напечатанную книгу Шестодневъ съ греческимъ текстомъ и въ концѣ ея припечатали исправленія, дабы не порепечатывать ее всю.

1) См. предисл. къ поименов. книгамъ.

2) Полн. Собр. Росс. Законовъ. т. I, № 7. стр. 166.

ческою практикой, не были приняты ими и авторитетъ Стоглаваго собора, если не былъ прямо, рѣшительно отвергнутъ, то все-же былъ игнорированъ. При этомъ-то и обнаружилось во всей полнотѣ, какіе глубокіе корни пустили въ русскомъ народѣ указанная опредѣленія Стоглава. Часть изъ представителей клира и народа отдѣлилась отъ церкви и образовала особую партію старообрядства; отстаивала опредѣленія Стоглава, въ которомъ видѣла для себя непре-рекаемый авторитетъ. Въ лицѣ первыхъ своихъ вождей— въ ихъ челобитныхъ — она ссылалась на авторитетъ Стоглава. Никита пустосвятъ въ своей челобитной, защищая двуперстіе, говоритъ: „да въ книгѣ Стоглавъ написано: аще кто двѣма персты не благословляетъ якоже и Христось, или не воображаетъ двѣма персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша. А тотъ соборъ писанъ по повелѣнію благовѣрнаго и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русіи самодержца, и всего ссвященнаго собора въ лѣто 7059. И тое было клятвы недостоило-же преступати“. Попъ Лазарь, при перечисленіи „нововводныхъ церковныхъ раздоровъ, ихже собора Никонъ патріархъ съ Арсеніемъ чернцемъ отъ разныхъ вѣръ“, говоря о трегубой аллилуіи, въ доказательство противъ нея приводитъ: „извѣстно о семъ (о сугубой аллилуіи) пишутъ преподобніи отцы Максимъ грекъ и Евфросинъ псковскій и въ Стоглавъ глава 42“. Слѣдовательно, значеніе Стоглава въ исторіи старообрядства состоитъ въ томъ, что онъ служитъ базисомъ для развитія, распространенія и утвержденія главныхъ старообрядческихъ мнѣній о двоенерстіи и сугубой аллилуіи, а вмѣстѣ съ ними и о брадобритіи¹⁾.

¹⁾ Последнее опредѣленіе Стоглава, при первоначальномъ возникновеніи старообрядства, не входило въ содержаніе его особенностей. Это постановленіе Стоглава, вызвавшее, можно думать, страшнымъ и безвравственнымъ порокомъ — содоміи, на что указываютъ наказы митр. Макарія во Владимірѣ и Каргополь (наказные списки Стоглава. Изд. Ил. Вѣллейымъ. Стр. 29. Снеси. Москвитянинъ, 1842 г. т. II, стр. 80—81), сдѣлалось преимущественною старообрядческою особенностію только при Петрѣ I. Обычай ношенія бороды и усовъ до Петра I былъ общимъ обычаемъ, возведеннымъ Стоглавомъ на степенъ догмата лишь въ предупрежденіе сквернаго грѣха, для котораго брадобритіе служило тайной или даже явную вывѣской.

Въ виду этого соборъ 1667-го года, состоявшій не только изъ русскихъ іерарховъ, но и изъ греческихъ, какъ представителей всей восточной церкви, и имѣвшій главной своей задачей исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ и вопросъ о старообрядствѣ, не могъ не обратить вниманія на значеніе Стоглава для старообрядства и высказалъ свое сужденіе о немъ, какъ главномъ основаніи двухъ важнѣйшихъ старообрядческихъ мнѣній о двоенерстіи и сугубой аллилуіи. Онъ, признавъ постановленія Стоглава, приводимыя старообрядцами въ свое оправданіе, недѣйствительными, положенными „неразумно, простотою и невѣжествомъ“, отмѣнилъ опредѣленія Стоглава и разрѣшилъ „неправедную и неразумную“ клятву, положенную на Стоглавомъ соборѣ, и о самомъ соборѣ произнесъ сужденіе, что „той соборъ, не въ соборъ:.. яко-же и не бысть. Зане той Макарій митрополитъ, и иже снимъ, мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразумно якоже восхотѣша, сами собою: не согласяся з греческими, и древними харатейными, словенскими книгами: ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже свопросисаша ними“¹⁾. Оставляя въ сторонѣ упрекъ собора 1677-го года Стоглавому собору въ невѣжество, простотѣ и неразумности, должно признать, что опредѣленія Стоглаваго собора послѣ этого уже должны были потерять свое значеніе въ русской церкви, должны были уступить мѣсто авторитету высшему, которому и должны были подчиниться всѣ ревнители старины даже въ силу того одного, что самъ Стоглавый соборъ настойчиво требовалъ неуклоннаго и точнаго повиновенія законному авторитету. „А вы-бы всѣ православные христіане отцевъ своихъ духовныхъ чтили и слушали и повиновались имъ о Богѣ; честны ихъ имѣйте, занежъ имъ отъ Бога дана власть надъ вами“²⁾. Въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя прямо служатъ опорой старообрядства, Стоглавъ прямо и рѣшительно проводитъ ту мысль, что первый долгъ паствы повиновеніе іерархіи, признаетъ неотъемлемое право высшей іерархіи отмѣнять опредѣленія іерархіи низшей, особенно если такія опредѣленія служатъ „на вредъ церкви и

¹⁾ Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годовъ. М., 1881 лл. 14—15. Срав. Служебникъ 1668 г. и Доп. къ Акт. Истор. т. 5, стр. 487—488.

²⁾ Стоглавъ. Гл. 40.

на соблазненіе крестьянству“, и подтверждаетъ это право многочисленными примѣрами изъ исторіи церкви ¹⁾. Эти свидѣтельства самого Стоглава достаточно показываютъ, что онъ вовсе не такая твердая опора для старообрядства, какою они считаютъ его. Быть можетъ, потому-то и отцы собора 1667-го года, руководясь духомъ кротости и христіанской снисходительности къ слабымъ, немощнымъ и колеблющимся членамъ церкви, и, сознавая, что здѣсь идетъ дѣло не объ ереси или хулѣ на церковь, а о простомъ обрядѣ, не положили никакого прещенія или клятвы на Стоглавый соборъ и его постановленія, а только разрѣшили сомнѣнія и совѣсть тѣхъ членовъ церкви, которыхъ могли смущать постановленія Стоглава, огражденные грозной анаемой, и тѣмъ самымъ отняли у защитниковъ старообрядства законный поводъ обосновывать эти мнѣнія на авторитетѣ Стоглаваго собора.

Однако старообрядцы, не признавая авторитета собора 1667-го года, отдѣлились отъ церкви, сохраняя уваженіе къ Стоглавому собору, какъ истинному собору, дѣйствовавшему подъ руководствомъ Св. Духа, продолжали и продолжаютъ считать его постановленія обязательными для церкви и въ своей полемикѣ съ православными ссылаются на авторитетъ его, укоряя православныхъ въ неповиновеніи собору и относя къ нимъ строгое прещеніе его какъ къ еретикамъ и отступникамъ отъ древле-истинной вѣры. Въ Соловецкой челобитной о вѣрѣ, которая составляетъ какъ бы катихизисъ старообрядства и доселѣ пользуется особымъ уваженіемъ у старообрядцевъ, такъ говорится о Стоглавомъ соборѣ и его значеніи: „А иже при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи Преосвященный Макарій митрополитъ по апостольскому преданію, на освященномъ и богодухновенномъ своемъ соборѣ уложили и некрестящихся двѣма персты вѣчному проклятію предали, и они (православные) тому церковному уложенію и священному собору, паче же Христову и апостольскому преданію не повинуются, да и намъ тако же повиноватися не велятъ, и полагаютъ то соборное прокля-

¹⁾ Стоглавъ. Изд. Проф. Н. И. Субботина. М., 1890. Глава 70.

тіе ни за что. И тѣмъ своимъ неповиновеніемъ учинили себя подѣ вѣчнымъ проклятіемъ, да и насъ нынѣ грѣшныхъ ведутъ съ собою подѣ то же проклятіе“ ¹⁾). Слѣдовательно, по мнѣнію старообрядцевъ, Стоглавый соборъ есть соборъ священный, богодухновенный, истинный выразитель древле-церковнаго ученія, апостольскаго и св. отецъ преданія. Отсюда, по ихъ мнѣнію, отмѣна его соборомъ 1667-го года незаконна и даже самый соборъ 1667 года подлежитъ клятвѣ, положенной на Стоглавѣ на несоблюдающихъ его постановленій, и Стоглавый соборъ признается выше собора 1667-го года. Но такого значенія за Стоглавымъ соборомъ не можетъ признать никто, да и сами старообрядцы не имѣютъ ни данныхъ, ни возможности доказать, что соборъ 1667-го года не былъ въ правѣ отмѣнить постановленія Стоглава. Соборъ 1667-го года, какъ извѣстно, въ основаніе своего опредѣленія о Стоглавѣ, какъ соборѣ помѣстномъ, приводитъ, прежде всего, то, что Стоглавъ дѣйствовалъ въ своихъ постановленіяхъ и опредѣленіяхъ безъ совѣта и сношенія съ восточными патріархами. „Бывшій же здѣ соборъ оный (разумѣется Стоглавый) во свидѣтельство (никто) да не пріемлетъ; поне же не свидѣтельствованъ есть, ниже бо писаніемъ ко вселенскому патріарху, и ко прочимъ святыя восточныя церкви о церковныхъ винахъ возвѣщенный, якоже обычай имать святая церковь, по предацію св. апостолъ и святыхъ отецъ, о всякихъ церковныхъ вещехъ совопрашатися, ниже мѣстоблюстителей отъ оныхъ бысть кто, якоже въ правилахъ о семъ писаное видѣти есть“ ²⁾). Однако Поморскіе Отвѣты даютъ такое возраженіе противъ этого опредѣленія собора 1667-го года. „Аще російстїи архіереи отъ восточныхъ патріарховъ тогда рукоположеніе прїимаху; аще восточніи патріарси, ублажаху и похваляху бывшее въ росїи тогда по старопечатнымъ книгамъ благочестіе,—убо не бѣ противно восточнѣй церкви...; и аще не покаратися древле-росїйстѣй православнѣй церкви, тое будетъ непокореніе древле-восточнѣй правовѣрной церкви, ея же преданіе со-

¹⁾ Архісп. Ігнатія. Испина св. Соловецкой обители. Стр. 93. СПб., 17.

²⁾ Дѣявія Москов. соб. 1666 и 1667 г. л. 181, гл. 10, стр. 92—93. Кормчая. 6-го Вселенскаго собора правило 16-е.

держаше російская церковь, и тогдашнимъ вселенскимъ православнымъ патріархомъ, хиротонисавшимъ російскихъ архіереевъ и хвалившимъ содержащееся въ нихъ благочестіе“. Нѣсколько ниже тамъ прибавлено еще: „но и помѣстніи святіи соборы, егда тое вселенскихъ соборовъ утвержденное православіе содержатъ и утверждаютъ, тогда и кромѣ пяти патріарховъ, тыя священныя соборы похваляются и пріемяются, яко же въ кормчей книгѣ правила помѣстныхъ соборовъ являютъ... Тѣмже таковыя священніи бывшіи соборы, утверждающія древлецерковная преданія, и безъ пяти патріарховъ, пріемяются и почитаются“¹⁾. Спрамедливо, что помѣстные соборы происходили и безъ предварительнаго согласія всѣхъ пяти патріарховъ, но ихъ постановленія и правила получили силу и обязательность для всей церкви лишь тогда, когда онѣ были одобрены всею вселенскою церковію на вселенскихъ соборахъ или послѣ нихъ всѣми патріархами. Ничего такого нельзя сказать о Стоглавомъ соборѣ. Если русскіе архіереи и получали рукоположеніе отъ восточныхъ патріарховъ, то въ этомъ еще не было никакого ручательства, что архіереи, согласныя во всемъ съ восточными патріархами при своемъ поставленіи, впоследствии, если будутъ дѣйствовать безъ сношенія съ ними, не будутъ ни въ чемъ разнствовать отъ нихъ. Нужно прибавить еще, что въ данномъ случаѣ было допущено нарушеніе церковныхъ правилъ, такъ какъ русская церковь была въ то время еще въ зависимости отъ восточной и потому въ важныхъ дѣлахъ непременно должна была совѣтоваться съ нею. Если восточные патріархи „ублажаху и прославляху“ бывшее тогда на Руси благочестіе по старопечатнымъ книгамъ, то это еще не значитъ, что они знали подробно постановленія Стоглаваго собора и соглашались съ ними. Они, по незнанію русскаго языка, могли не понять этихъ постановленій, могли не замѣтить обрядовой разницы между русскою и восточною церковію, даже могли не придать ей значенія, какъ не представляющей ереси или искаженія догматовъ. Это тѣмъ естественнѣе, что обрядовыя поста-

¹⁾ Поморскіе отвѣты Напеч. въ Мануиловомъ Никольскомъ монастырѣ 1884 г. Отв. 35 стр. 127—128; 79 стр. 270—271; 87 стр. 276—277.

повленія Стоглава рѣзко не бросались въ глаза: до времени патр. Іосифа они не были во всеобщемъ употребленіи, не были широко распространены. А когда при патр. Іосифѣ эти постановленія получили широкое распространеніе, особенно въ высшемъ придворномъ кругу, то пріѣзжавшіе восточные патріархи дѣлали замѣчанія о разности русскихъ обрядовъ съ современною этимъ патріархамъ обрядовою стороною церкви восточной. Паисій, патр. Іерусалимскій, въ свой пріѣздъ въ Москву въ 1649 году, замѣтилъ разныя нововведенія въ русской церкви и говорилъ объ этомъ Никону и, нѣтъ сомнѣнія, говорилъ и патр. Іосифу и самому царю Алексѣю Михайловичу, что эти нововведенія представляютъ изъ себя отступленіе отъ обычаевъ и чиновъ церкви восточной ¹⁾.

Въ числѣ недостатковъ Стоглаваго собора соборъ 1667 года указалъ еще и то, что Стоглавъ дѣйствовалъ въ своихъ постановленіяхъ „не согласаясь съ греческими и славенскими древними харатейными списками“. Такъ ли это было судить трудно. Несомнѣнно лишь то, что отцы Стоглаваго собора не могли пользоваться греческими списками, потому что изъ исторіи не видно, чтобы кто-либо изъ нихъ зналъ греческій языкъ. Что же касается славянскихъ списковъ, то нужно сказать, что эти списки были извѣстны отцамъ Стоглаваго собора, извѣстно также, что имъ указано было, что „Божественныя книги писцы пишутъ съ неправленныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ же, опись къ описи прибываетъ“ ²⁾, и что отцы этого собора сами подтвердили неисправность церковныхъ книгъ и крайнюю нужду въ исправленіи ихъ „елика есть сила“, указавъ для этого нѣкоторыя мѣры и способы. Мѣры эти, конечно, не могли простираться далѣе повѣрки новыхъ книгъ по старымъ, а такъ какъ въ старыхъ книгахъ были тѣ-же

¹⁾ Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Т. III, № 135.

²⁾ Стогл., гл. 27, 28 и др. „А которыя святаыя будутъ книги—Евангелія, Апостолы и Псалтыри и прочія книги въ коей-ждо суть церкви обрѣцете неправлены и описливы, и вы бѣ тѣ святаыя книги съ добрыхъ переводовъ исправили соборнѣ, занежъ священныя правила о томъ запрещаютъ и не повелѣваютъ неправленныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нимъ гѣти“.

недостатки, то и самое опредѣленіе Стоглава исправлять книги не достигало цѣли. Книги, если бы и исправлялись по постановленію Стоглава, не имѣли никакой гарантіи противъ погрѣшностей: онѣ лишь распространяли бы то, что находилось въ древнѣйшихъ славянскихъ спискахъ безъ всякой повѣрки ихъ греческими. Если же допустить, что переводы древнихъ славянскихъ списковъ были сдѣланы съ греческихъ оригиналовъ, то само собой разумѣется, что Стоглавъ и не могъ придумать никакой иной нормы для исправленія книгъ, кромѣ указанной, и не могъ быть свободенъ отъ погрѣшностей въ дѣлѣ исправленія книгъ, принимая древне славянскіе списки за образецъ для книгъ современныхъ ему.

Эти свидѣтельства самого Стоглава достаточно показываютъ, что старообрядцы не въ правѣ опираться на постановленія Стоглава, считать ихъ непогрѣшимыми, а самому собору придавать исключительное значеніе. Это сознаютъ и сами старообрядцы, а потому они чаще ссылаются не на іерархическія права Стоглава, а на древность книги Стоглавъ, указываютъ, что составители Стоглава имѣли большія свѣдѣнія въ древле-церковной литературѣ, были мудры, добросовѣстны и даже святы, что постановленія этихъ мужей на Стоглавомъ соборѣ не суть ихъ измышленія, а только санкція того, что было еще въ отдаленнѣйшей древности и соблюдалось какъ церковный законъ вплоть до патр. Никона. Въ Поморскихъ Отвѣтахъ и говорится объ этомъ: „Соборъ, бывшій при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ лѣто 7059, окружася бѣ многочисленными чудотворцы святыми, яко пресвѣтлыми звѣздами осіяваемъ. Приношаху-бо всероссійское церковное православіе, прежде бывшіи святіи пастыріе другъ по друзѣ, Петръ, Алексій, Кипріанъ, Фотій и Іона, со многочисленными великими чудотворцы... Присутствоваху-же на ономъ священномъ соборѣ, и во время оно бывшіи всероссійстѣй церкви, боготпрославленніи святіи, велицыи архіереи, и велицыи чудотворцы... И таковыми богосвидѣтельствованными святыми, украшена бѣ тогда Россійская церковь, исполненъ же бѣ священный онъ соборъ... Не меньше же засвидѣтельствуется и послѣдующими святыми тое православіе содержащими, иже послѣ онаго собора въ Россійстѣй церкви, мнози свя-

тіи въ нетлѣнныхъ мощехъ и чудесѣхъ отъ Бога прославились“¹⁾).

Вполнѣ справедливо, что св. отцы не допускали погрѣшностей намѣренно, съ какимъ-либо злымъ умысломъ и въ этомъ ихъ никто не можетъ укорять и упрекать. Но не менѣе справедливо и то, что изъ высшихъ лицъ іерархіи, присутствовавшихъ на Стоглавомъ соборѣ, не извѣстно ни одного, кто бы былъ канонизованъ какъ святой въ русской церкви. Если-же въ послѣдующее время и были лица святые—очевидцы собора,—державшіяся постановленій его, то это вовсе не говоритъ за авторитетъ Стоглава. Частныя мнѣнія лицъ—даже и святыхъ, какъ показываетъ исторія, не всегда сходятся съ общецерковнымъ ученіемъ, и если въ этихъ мнѣніяхъ нѣтъ какой-либо ереси, важной догматической разницы,—то это отнюдь не препятствуетъ къ прославленію этихъ лицъ какъ святыхъ, хотя-бы они и держались непамѣренно, по простотѣ и невѣдѣнію обрядовъ не согласныхъ съ общецерковною практикою. Святость и чистота жизни человѣка, существа все-же несовершеннаго, не безгрѣшнаго, не есть еще необходимое условіе его мудрости и непогрѣшимости въ ученіи вѣры и въ различныхъ обрядахъ. Св. Апостоль Павелъ говоритъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ: „Каждому дается проявленіе Духа на пользу. Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ-же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ-же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ-же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различіе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ“²⁾. Значить дарованія бываютъ различны: тотъ, кому дали „дары исцѣленій“ или „чудотворенія“, еще можетъ не имѣть „слова мудрости“, и „слова знанія“, „истолкованія языковъ“. Вполнѣ понятно, поэтому, что многіе святые мужи, принимавшіе постановленія Стоглаваго собора, хотя за угожденіе Богу своею жизнію были сподоблены отъ него дара исцѣленій и чудесъ, но, не имѣя „слова мудрости“, по простотѣ и невѣдѣнію могли держаться взглядовъ Стоглаваго собора на

¹⁾ Отв. 5, стр. 42. 19 стр. 97. 106. 25 стр. 115. 28, стр. 117. 43 стр. 135—156. 53 стр. 217—220.

²⁾ XII, 7—10.

тѣ обряды, которые служатъ предметомъ пререканій между старообрядцами и православными. Преподобный Максимъ Грекъ, уважаемый и старообрядцами, такъ говоритъ объ этомъ: „дадеса имъ апостолоподражательнаго ради ихъ смиренномудрія, и простоты и житія святолѣпнаго, дарованіе исцѣленій, чудесъ предивныхъ, но не дадеса языкамъ разумъ и сказаніе“¹⁾). Какъ могутъ поступать по невѣдѣнію въ дѣлахъ вѣры и богоугодные мужи и при этомъ все-же оставаться богоугодными—примѣръ этому находимъ въ древнемъ Прологѣ²⁾). Здѣсь разсказывается, что „бѣ пресвитеръ святъ и чистъ; егда-же творяше службу, ангела видяше одесную себе и о лѣвой. Бѣ-же убо сей отъ еретикъ пріялъ службу литургійную, яко простъ сый и неискусенъ божественныхъ таинъ и словесъ. Егда-же литургію служаше въ простыни и беззлобіи, глаголаше и то, о немъ-же ся блазняше, и не вѣдыше, яко зло прія“. Но когда этому пресвитеру объяснено было, какія именно слова еретическія въ его служебникѣ, онъ немедленно пересталъ произносить ихъ, не удержавшись отъ этого и тѣмъ, что ангель не отступалъ отъ него и тогда, когда онъ ранѣе произносилъ слова еретическія во время своей службы. Такимъ образомъ, ссылка старообрядцевъ на то, что св. мужи слѣдовали постановленіямъ Стоглава вовсе не свидѣтельствуетъ о непогрѣшимости и нерушимости постановленій Стоглава; а тщательный разборъ постановленій Стоглава прямо показываетъ, что отцы этого собора ненамѣренно допустили немало погрѣшностей и ошибокъ даже относительно самыхъ основаній своихъ опредѣленій и постановленій. Многія мѣста въ Стоглавѣ ясно показываютъ, что отцы Стоглаваго собора часто не умѣли отличить подлинныхъ сочиненій отъ подложныхъ или искаженныхъ, съ одинаковою довѣрчивостію принимали все, что находили въ рукописяхъ. Даже слова Священнаго Писанія Стоглавыи соборъ ипогда приводилъ неправильно и объяснялъ произвольно и неудачно³⁾; на церковныя правила ссылался большею частію неопре-

¹⁾ Слово 12-е. О исправл. книгъ.

²⁾ Подъ 13 числ. мѣсяца марта.

³⁾ Напр., въ гл. 40-й „Богъ... Моисееви рече: постризало да не взыдетъ на главу вашу“ вмѣсто „бритва да не взыдетъ на главу его“ т. е. назорея. Числь, VI, 5.

дѣленно и приводилъ въ подтвержденіе своихъ постановленій правила, которыя вовсе не содержатъ того, въ подтвержденіе чего приводятся ¹⁾; текстъ правилъ смѣшивалъ, бралъ изъ нихъ только по нѣскольку словъ и выраженій ²⁾; приводилъ иногда правила подъ именемъ св. Апостоловъ или соборовъ и писанія подъ именемъ св. Отцевъ совершенно подложныя ³⁾; равно какъ привелъ мнимыя слова праведнаго Еноха ⁴⁾ и приписалъ ⁵⁾ посланіе цареградскаго патр. Нила его предшественнику Филоею ⁶⁾. Отсюда ясно, что старообрядцы напрасно усвояютъ этому собору слишкомъ важное значеніе, а его постановленіямъ приписываютъ такую силу и авторитетъ, какихъ они не имѣютъ и не могутъ имѣть. Если Стоглавый соборъ допускалъ ошибки даже при пользованіи источниками, полагалъ въ основу своихъ опредѣленій и постановленій искаженный текстъ Св. Писанія, подложныя правила апостольскія, соборныя и Св. Отецъ и даже несуществующія, то вполне естественно, что онъ погрѣшалъ въ этихъ своихъ постановленіяхъ. Хотя нужно, въ этомъ случаѣ, сказать, что онъ заимствовалъ все это изъ древнихъ славянскихъ кормчихъ, а потому вина этого собора значительно смягчается. Главная вина этого собора не въ томъ, что онъ призналъ тѣ или другіе обряды православными, но преимущественно и главнымъ образомъ въ томъ, что эти самые обряды онъ возвелъ въ догматъ, обоспывалъ ихъ канонически, возвелъ къ истинному и ненарушиму аустольскому и св. отецъ преданію и за отступленіе отъ нихъ произнесъ анаѹему. Эта вина Стоглава не можетъ быть смягчена даже и тѣмъ, что недостатокъ образованія, отсутствіе самыхъ способовъ къ просвѣщенію, охлажденіе къ церкви восточной, выра-

¹⁾ Въ той-же 40-й гл. Стоглавъ ссылается на 11-е правило VI-го вселен. собора въ подтвержденіе не стричь бороды, а между тѣмъ въ этомъ правилѣ запрещается только общевіе христіанъ съ іудеями.

²⁾ Гл. 75-я правила 12-е и 13-е VII-го всел. собора. Гл. 90-я правила 16-е VII-го всел. собора, 50-е и 51-е Трульскаго собора и 69-е Апостольское.

³⁾ Въ 40-й гл. приводится не существующее правило св. Апостоль: „аще кто браду брѣеть и преставится тако, не достоинъ о немъ служить, ни сорокоустія надъ нимъ пѣти, ни просфоры, ни свѣщи по немъ въ церковь принести, съ пѣвѣрнымъ да причтется“; въ гл. 56-й привелъ правило V вселен. собора, который вовсе не оставилъ правилъ.

⁴⁾ Гл. 19-я.

⁵⁾ Гл. 87-я.

⁶⁾ Преев. Макарій. Истор. Русск. Церкви. Т. VI стр. 233—234.

звившееся въ клятвѣ не принимать рукоположенія отъ патр. Константинопольскаго ¹⁾), ослабили связь русской церкви съ греческой и тѣмъ значительно понизили образованіе у насъ въ Россіи, прививъ въ то-же время русскимъ, какъ подозрѣніе въ православіи самихъ грековъ, такъ и чувство горделиваго сознанія, что благочестіе процвѣтаетъ только въ одномъ московскомъ царствѣ. Но если недостатокъ образованія русскаго общества 16-го вѣка препятствовалъ религіозному просвѣщенію и русскіе, по необходимости, сосредоточивали свое вниманіе на внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства и придавали ей иногда догматическое значеніе, все-же цѣлому собору русскихъ іерарховъ, какъ бы ни низка была ихъ степень образованія, было непростительно признать за обрядомъ догматическую важность и за отступленіе отъ обряда покарать анаемой. Поэтому Стоглавый соборъ мало говоритъ въ пользу старообрядства, не можетъ служить въ своихъ постановленіяхъ опорой для обрядовъ уважаемыхъ старообрядцами. Если православная церковь въ лицѣ отцевъ собора 1667-го года указала строгое различіе между обрядомъ и догматомъ, учила, что дуперстіе и троенерстіе, какъ и всякій другой обрядъ, не составляютъ собою догмата вѣры и не повреждаютъ православія ²⁾), а въ настоящее время — въ лицѣ единовѣ-

¹⁾ Акты Истор. изд. Арх. Ком. Т. I, стр. 71—83; срав. Максима Грека. Слово 44-е.

²⁾ Что это дѣйствительно такъ, открывается изъ того, что въ 26 патріаршемъ правилѣ (л. 16) соборъ 1667-го года повелѣваетъ и утверждаетъ все согласно епископіи Паисія, патр. Константинопольскаго, въ которой содержится именно та мысль, что чины и обряды существенно разнятся отъ догматовъ вѣры, и что „не развращается вѣра православная, аще единъ творитъ послѣдованіе мало различное отъ другаго въ вещахъ, яже не суть существенныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію“ (Скрижалъ, стр. 645 и 647 второго счета). Самая клятва собора относилась не къ постановленіямъ Стоглаваго собора и не къ старообрядцамъ, а къ духу противленія со стороны старообрядцевъ Православной церкви, объявившихъ православную церковь антихристовой. Внимательное чтеніе соборнаго свитка открываетъ, что соборъ примѣнилъ къ старообрядцамъ за ихъ противленіе мѣру Евангельскую (Мк. XVIII, 17 срав. 1 Коринѣ. V, 13) и то уже послѣ того, какъ старообрядцы вынудили ее своимъ упорствомъ, что ясно открывается изъ самыхъ дѣяній собора по отношенію къ пону Никитѣ, діакопу Феодору и протопопу Аввакуму. Подроб. объ этомъ см. Митр. Филарета „Разъясненіе

рія ¹⁾—даже допустила эти обряды для употребленія приверженныхъ къ нимъ, то для старообрядцевъ нѣтъ никакихъ основаній искать себѣ опоры въ Стоглавомъ соборѣ. Этотъ соборъ представляетъ для нихъ столь малое значеніе, такую незначительную опору, что отказаться отъ его авторитета и соединиться въ союзъ мира и любви подъ кровомъ единой святой, соборной и апостольской церкви для нихъ нѣтъ никакихъ препятствій.

Обращаясь къ выясненію вопроса о значеніи Стоглаваго собора въ исторіи русской церкви, прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что не должно смотрѣть на него какъ на защитника старины. Какъ ни были тѣсны рамки религіозной жизни русскаго народа по Стоглаву, все-же въ его постановленіяхъ можно замѣтить новый голосъ, новый путь направленія жизни. Ничего не значить, что старина слышится въ его постановленіяхъ, въ формахъ устройства церковно-религіозной жизни и въ невыработанности церковно-правоваго начала: это только показываетъ, что въ церковно-гражданской жизни народа нельзя провести такой черты, которая-бы оборвала всѣ нити прошлаго и сразу дала новое, органически не связанное съ старымъ. Въ постановленіяхъ Стоглава, поэтому, можно уже наблюдать, что хотя старое подчасъ и проявляетъ еще большую живучесть, а новое является неувѣренно, но торжество этого молодого и новаго лишь вопросъ времени. Авторитетъ восточной церкви, на которую привыкли смотрѣть какъ на наставника, на руководителя, слѣпо довѣряясь ей, для русскихъ былъ подорванъ еще Флорентійской уніей и русская церковь получила о себѣ новыя представленія. Религіозное чувство народа уже подсказывало представителямъ церкви, что среди православныхъ нѣтъ другаго народа кромѣ русскаго, который-бы могъ быть представителемъ православія—этой лучшей и высокой идеи—и представители церкви русской не могли не чувствовать своего воз-
о проклятій положенномъ отъ собора 1667 года“. Приб. къ Твор. св. отецъ, Ч. XIV и „О клятвахъ соборныхъ 1667 года“. М., 1871. „О клятвѣ московскаго собора 1667 г. Хр: Чт. 1872 г. Ч. I, стр. 1—70.

¹⁾ Основанія для него начертаны въ извѣстныхъ шестнадцати пунктахъ 1800 г. митр. Платона, а истинный взглядъ на него высказавъ въ бесѣдѣ къ братьямъ св. храма св. Николая, что въ Рогожскомъ, митр. Филарета „Свѣдѣнія о единовѣрческихъ церквяхъ“... Изд. В. А. Софѣлкина. М., 1858. л. 40—42).

вышенія, своей силы въ ряду другихъ православныхъ христiанскихъ церквей. Это мнѣніе о высшемъ достоинствѣ іерархіи русской церкви, сложившееся еще ранѣе, укрѣпилось сознаниемъ, что паденіе Константинополя есть божественное наказаніе грекамъ за измѣну православію ¹⁾, что, неповрежденное православіе сохранилось только на Москвѣ, которая и должна теперь явиться хранительницей этой высокой идеи, утраченной, по мнѣнію русскихъ, греками. Сами представители греческой іерархіи, пріѣзжавшіе въ Россію за сборомъ подаяній, искали теперь поддержки и защиты у церкви русской, льстили народному самолюбію своими отзывами о русскомъ благочестіи ²⁾, а это еще болѣе способствовало усилению значенія русской церкви, привило ей сознание, что только одна она столпъ и опора православія, что она одна можетъ осуществить, выполнить и сохранить въ чистотѣ и неповрежденности ученіе христiанское. Отсюда-то и происходитъ то любопытное явленіе вліянія на дѣянія Стоглаваго собора предшествующаго имъ церковнаго законодательства русскаго, съ одной стороны, и развитіе внимательное и осторожное, опиравъ на предшествующія постановленія, начала самостоятельности въ области русской каноники—съ другой. Въ этомъ случаѣ мы находимъ въ немъ двѣ стороны: одну сторону консервативную, осторожности, вниманія въ сложившемся порядкѣ церковной жизни и опасенія нарушить ея основы, — другую сторону—прогресса, поступанія впередъ, потребности улучшить и исправить свое. Стоглавый соборъ сознавалъ, что въ малолѣтство царя безпорядки государственные принесли много вреда благоустройству церкви, что она испытывала и вѣнпнія и внутреннія бѣдствія, вслѣдствіе слабости и своеволія правителей, и въ ней накопилось много важныхъ упущеній и безпорядковъ въ собственной, внутренней жизни церкви. „Многіе священныя обычаи въ церкви поизштатилися, многое въ ней сдѣлапо по самовластію, свевольно, многіе законы и преданія нарушены; многое происходило вопреки древнимъ священ-

¹⁾ Русскіе были такъ предубѣждены противъ православія грековъ, что Берсень-Беклемишевъ выражалъ Максиму Греку сомнѣніе: „Ино у васъ еще Блгъ есть“. Правосл. Собес. 1858 г. т. II, стр. 282.

²⁾ П. Мельниковъ. Историческіе очерки поповщины. Ч. I, стр. 16.

нымъ установленіямъ; въ понятіяхъ о вѣрѣ и уставахъ церковныхъ открывалось разгласіе¹⁾... Поэтому, Стоглаву предстояла нелегкая задача устранить всѣ эти недостатки и въ собственной жизни церкви и въ жизни народной, не отступая рѣзко отъ старыхъ началъ русской жизни и привнося въ нее новое, здоровое, способное устранить недостатки. Между этими крайними предѣлами опредѣленія Стоглава проходятъ весьма осторожно. При всякомъ вопросѣ онъ старается, прежде всего, ввести впередъ общецерковныя постановленія восточной церкви. Тамъ, гдѣ вопросъ чисто русскій и общецерковныхъ основаній прямо для него нѣтъ, или гдѣ такія основанія уже прежде приспособлены іерархами въ русской жизни, Стоглавъ опирается на эти русскія постановленія. Послѣ или даже наряду съ правилами церкви вселенской и церковно-гражданскими узаконеніями греческихъ царей—въ основаніе соборныхъ опредѣленій 1551-го года нерѣдко кладутся церковные законы русскіе, начиная съ уставовъ Владиміра и Ярослава и продолжая опредѣленіями митрополитовъ, особенно какъ по времени, такъ и по идеямъ, близкихъ XVI-му вѣку, какъ-то: св. Петръ, Кипріанъ, Фотій и др. Отсюда уже въ Стоглавѣ всегда почти ясно видно, какъ слагались его опредѣленія, именно, какъ то или другое учрежденіе XVI-го столѣтія, начинаясь отъ общецерковнаго вселенскаго основанія, проходило разныя степени мѣстнаго раскрытія и приложенія къ жизни и являлось уже русскимъ учрежденіемъ XVI-го вѣка. Стоитъ только внимательно просмотрѣть, напр., на чемъ основаны были опредѣленія Стоглаваго собора о святительскомъ судѣ²⁾, чтобы видѣть, что гдѣ эти опредѣленія, организуя судъ по мѣстнымъ русскимъ условіямъ и нуждамъ, соглашались эту организацію съ вышеуказанными церковными основаніями, и гдѣ основанія общецерковныя, постановленія каноническія не противорѣчили, или гдѣ они совсѣмъ не представляли отвѣта на возникавшіе вопросы, тамъ Стоглавъ придавалъ главное значеніе силѣ роднаго обычая. Стоитъ также обратить вниманіе и на то, что Стоглавъ вездѣ стремится достигнуть своими постанов-

1) Стогл., стр. 13—45.

2) Стогл., стр. 289—394.

леніями важныхъ и реальныхъ цѣлей, устраняя всѣ недостатки, какіе представлялись его взору въ церковно-религіозной жизни клира и мірянъ. Онъ выставлялъ на первый планъ богослуженіе и обряды, потому что неисправность ихъ прежде всего бросалась въ глаза, поражала своимъ беспорядкомъ, а потому первою заботою собора было устранить этотъ недостатокъ. И дѣйствительно, соборъ въ цѣломъ рядѣ своихъ постановленій изыскиваетъ радикальныя средства противъ этого зла ¹⁾ и средства эти обосновываетъ на основаніи правилъ св. Апостоль, Отецъ и Соборовъ. Потомъ Стоглавъ переходитъ къ больному мѣсту русской жизни XVI-го столѣтія суду и управленію. Отъ суда не мало приходилось терпѣть духовнымъ лицамъ, а потому соборъ постарался выдѣлить духовенство изъ подсудности свѣтской власти и установилъ свой порядокъ суда, схожій съ свѣтскимъ управленіемъ, причемъ дѣла духовенства подлежали суду епархіальной власти и лишь въ нѣкоторыхъ только случаяхъ смѣстному суду: духовной и гражданской власти. вмѣстѣ съ упорядоченіемъ суда Стоглавъ принимаетъ мѣры и къ упорядоченію церковнаго управленія, изыскиваетъ способы устранить недостатки въ жизни бѣлаго и чернаго духовенства, придумываетъ средства къ содержанію его и, не смотря на трудную задачу, разрѣшаетъ эти вопросы весьма практично и умѣло ²⁾. Послѣ всего этого Стоглавъ переходитъ къ разсужденію объ общественныхъ нравахъ и обычаяхъ, которые представляли ко времени собора печальную картину: брань, ослабленіе цѣломудрія и полный произволь въ жизни нравственной — были общи ³⁾. И здѣсь соборъ совершенно спокойно, здраво и обдуманно, до мельчайшихъ чертъ исчерпываетъ эти недостатки и указываетъ самые вѣрные способы для устраненія ихъ. Онъ обстоятельно разбираетъ все, руководится дѣйствительнымъ состояніемъ общества, ясно раскрываетъ корень зла, врачуетъ не угрозами, а поученіемъ и наставленіемъ. Онъ не пользуется предоставленною ему административною властью, такъ-какъ

¹⁾ Стол.л., стр. 49. 64—65. 74. 100—101. 112—113. 117—122. 131—132. 169.

²⁾ Стогл. стр. 48. 63. 86 - 87. 123—124. 216—217. 258—259. 333—336. 341—343. 354—355. 372—376. 379—380. 399. Глав. 53—56.

³⁾ Стогл., стр. 67. 185—194. 381. 384—387. 393—397.

считаетъ неумѣстной и неприличной для себя. Стоглавъ строго разграничиваетъ права церковныя отъ правъ остального общества и царя: своимъ орудіемъ онъ считаетъ слово и совѣтъ, что, при суровости тогдашнихъ нравовъ, представляетъ поразительную черту ¹⁾. Такимъ образомъ, въ соборныхъ дѣяніяхъ главная цѣль вездѣ достигнута: указаны въ обиліи правила для порядка жизни во всѣхъ ея сферахъ, приведены средства исправленія, обличены и предоставлены наказанія уклоненія, причемъ, во всемъ этомъ нѣтъ злорадства обличительныхъ сочиненій того времени, что и не свойственно собору, призванному исправить все, что поизшталось; но безпристрастіе и спокойствіе, дающее вѣрную картину жизни современной собору, и готовность по мѣрѣ силъ все возстановить и исправить. Во всѣхъ опредѣленіяхъ Стоглава чувствуется сила, указывающая возможность подняться отъ порчи и искаженія, сила, не боящаяся обличать и упрекать царя и его близкихъ, если и они оказываются виновными. Стоглавъ въ своихъ опредѣленіяхъ не старается найти противъ зла повныя мѣры: онъ всегда ищетъ мѣръ старыхъ, бывшихъ уже въ жизни и на опытѣ доказавшихъ свою пригодность, и только послѣ этого рекомендуетъ свои, и этимъ пріемомъ сообщаетъ своимъ узаконеніямъ авторитетъ жизненности, древности и нравственныхъ качествъ законодателей, что въ законахъ черта немало важная.

Итакъ, краткій перечень тѣхъ предметовъ, какими занимался Стоглавый соборъ, уже показываетъ, что онъ не могъ пройти безслѣдно въ исторіи русской церкви и имѣлъ для нея важное значеніе. Прежде всего, Стоглавъ, показывая дѣйствительное состояніе древне-русской церкви и изображая разныя стороны религіозной жизни русскаго народа до самыхъ мельчайшихъ ея проявленій, выставлялъ на видъ потребность обновленія, но обновленія не въ смыслѣ какой-нибудь внѣшней реформы, а въ смыслѣ нравственнаго подъема силъ русской жизни, затрогивалъ такіе вопросы жизни, которые касались существенныхъ сторонъ умственнаго, нравственнаго и религіознаго состоянія тогдашняго общества, старался исправить все, что поизшталось

1) Стогл., гл. 7-я. 52-я.

въ немъ путемъ нравственнаго обновленія, путемъ подъема силъ духовныхъ. На первыхъ порахъ, когда еще не выяснено было опредѣленно желаемое, попытки не могли, конечно, увѣнчаться полнымъ успѣхомъ; но самая благонамѣренность желанія, самое стремленіе къ обновленію, даже простое сознаніе крайней неудовлетворительности общаго положенія дѣлъ церковныхъ и общественныхъ,—что составляетъ главное достоинство Стоглава,—уже тогда принесли пользу. По крайней мѣрѣ, положили начало крутому повороту общественнаго сознанія отъ обрядоваго отношенія къ высокимъ предметамъ вѣры и нравственности,—къ болѣе живой дѣятельности, къ обращенію вниманія на такіе вопросы, которые-бы вызывали къ дѣятельности христіански-богословскую мысль, къ стремленію выйти какъ нибудь изъ тѣсныхъ и узкихъ рамокъ, въ которыхъ заключена была общественная и церковная жизнь, положить конецъ тому ослабленію и нравственной распущенности, которыя парализовали жизнь въ самомъ ея корнѣ и болѣзненно отзывались на всѣхъ сторонахъ общественнаго строя. Конечно, это было достояніемъ меньшинства; рядомъ съ этимъ отраднымъ направленіемъ шла и развивалась оппозиція этимъ стремленіямъ, выразившаяся чрезъ столѣтіе въ видѣ старообрядства, желаніе удержать неприкосновенными самыя заблужденія и неправильности, когда-то вкравшіяся въ церковную жизнь. Отношеніе этихъ двухъ направленій еще не могло опредѣлиться вполне и вражды еще въ собственномъ смыслѣ не существовало. Послѣдующія обстоятельства затѣнили на нѣсколько времени всю серьезность и силу, всю живучесть этого направленія; но послѣ это стремленіе къ обновленію, къ лучшему стало высказываться смѣлѣе и настоятельнѣе. Въ этомъ смыслѣ можно утвердительно сказать, что Стоглавъ достигъ своей цѣли, хотя, повидимому, его стремленія не осуществились въ ближайшее къ нему время. Онъ рѣшительно выдвинулъ вопросъ объ обновленіи церковной жизни, и этотъ вопросъ въ послѣдующее время не могъ уже исчезнуть безъ слѣда, такъ-какъ отъ него постепенно развивались новые вопросы, постоянно затрагивавшіе важныя стороны іерархической, дисциплинарной, богослужебной и общественной жизни. Все это постепенно накоплялось, зрѣло и ускоряло достиженіе цѣли,—намѣчен-

ной Стоглавомъ,—обновить и поднять нравственныя и духовныя силы русскаго общества. Недостатки русскаго общества—всѣхъ сословій, замѣченные Стоглавомъ, вызвали огромное число опредѣленій со стороны этого собора по разнымъ сторонамъ церковно-общественной жизни и сами собою свидѣтельствовали о своей особенной важности. А то обстоятельство, что эти опредѣленія, за исключеніемъ немногихъ, сохраняли очень долгое время — даже до послѣдняго патріарха ¹⁾—свою каноническую важность и обязательность въ практикѣ русской церкви, показываетъ, что Стоглавый соборъ сумѣлъ подмѣтить существеннѣйшіе недостатки тогдашней жизни и опредѣлить нормальную сторону съ болѣе жизненнымъ значеніемъ. Очищая и устраняя эти недостатки, устрояя іерархію и возвышая ее—выдѣленіемъ изъ общей подсудности гражданской власти — и давая ей возможность имѣть нравственное вліяніе на народъ, опредѣленія Стоглаваго собора подготовляли переворотъ въ жизни русской церкви, который совершился много позднѣе и даль церкви тотъ новый образъ жизни и развитія, какія примѣчаются въ послѣдующія времена. Въ своихъ опредѣленіяхъ, касавшихся русской жизни, Стоглавый соборъ руководствовался тѣми-же самыми началами, какія употребляла восточная церковь. Здѣсь мы видимъ, что въ основаніе доказательствъ полагалось указаніе на Священное Писаніе, на правила соборныя и отеческія и на свѣтскіе источники права; высказана даже мысль о постепенномъ продолжающемся развитіи установленій церковныхъ сообразно тѣмъ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ, какія, конечно, всегда присущи мѣстной церкви, такъ-что можно, не преувеличивая, сказать, что на Стоглавомъ соборѣ раннѣйшая попытка сдѣлать русскую церковь независимою отъ церкви греческой была повторена и сдѣланъ былъ новый шагъ осуществить это желаніе русской церкви.

Не меньшее значеніе имѣетъ въ исторіи русской церкви

¹⁾ Патр. Адріанъ на запросъ о томъ, какими законами онъ руководится въ судѣ и управленіи, отвѣтилъ, что у него главныя закононыя книги древняя харатейная правильная (Кормчая), писанная повелѣніемъ Новгородскаго князя Дмитрія Александровича, Стоглавъ цари и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и Дѣянія Московскаго собора 1667-го года. Рукоп. Импер. Общ. Ист. и Древ. Росс. Отд. I, № 257.

созидательный, положительный характеръ Стоглава, обнаруживающійся въ его церковно-правительственныхъ распоряженіяхъ. Указаніе нравственныхъ извѣ и безпорядковъ русской жизни—вънемъ дѣло второстепенное: сущность его—есть составленіе новаго положительнаго церковнаго узаконенія изъ старыхъ, разрозненныхъ матеріаловъ. Въ него вошли все тѣ стороны русскаго общества, какія только, по существу церковнаго права, могутъ подлежать вліянію церкви и посредствомъ которыхъ она соприкасается съ государствомъ. Сюда относятся: церковный судъ, обряды, богослуженіе и разные случаи церковной дисциплины. Въ Стоглавѣ нѣтъ ни одного пропуска касательно этихъ сторонъ: все, — что здѣсь не исправно, — исправляется, но не строгостью, а здравымъ смысломъ и мѣрами нравственными, указаніемъ на добрую сторону дѣла. Вездѣ въ Стоглавѣ добро представляется сильнымъ, уважается стремленіе общества изгонять пропикающее въ него зло, и вѣрится, что свѣтлые образы добра сильны совершить это очищеніе, не дожидаясь посторонней помощи. Вліяніе постановленій Стоглава было сильно именно тѣмъ, что оно одинаково дѣйствовало и на семью, и общину и государство въ цѣляхъ образованія изъ нихъ орудій къ развитію въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія, — и этимъ-то путемъ Стоглавъ указывалъ правительственной власти тѣ мѣры, какія способны были поднять религіозно-нравственное образованіе, и какія проводились, какъ указано ранѣе, то въ царскихъ грамотахъ и наказахъ, то въ правительственныхъ актахъ и законодательныхъ памятникахъ. Отсюда, царь воспрещалъ и наказывалъ то, что было воспрещено церковью, и требовалъ отъ народа исполненія тѣхъ христіанскихъ обязанностей, которыя были ввѣрены народу, общинѣ и семьѣ церковью. Такъ религіозность и нравственность изъ ученія церкви переходили въ дѣло совѣсти и чувства; изъ области совѣсти и убѣжденія мало по малу переносились въ область права и закона. Весьма любопытно и поучительно въ этомъ случаѣ лишь то, какъ дѣйствовалъ Стоглавъ на юридическій бытъ русской жизни. Отсюда обнаруживается, что онъ, оставляя свѣтское наказаніе на волю царя, не говоритъ ничего о немъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляетъ безнаказанными дѣйствія противныя правиламъ вѣры и нравственности, опре-

дѣляя противъ нихъ свои духовныя мѣры — отлученіе отъ церкви и епитимію. Стоглавъ не предписываетъ суровыхъ мѣръ, но старается даже и наказанія Византійскаго законодательства замѣнить духовными или-же обычнымъ правомъ тогдашняго общества, основываясь на священныхъ правилахъ, а изъ этого можно усматривать смягчающее вліяніе Стоглава на русское законодательство.

Разсуждая безпристрастно, нужно согласиться, что нѣсколько частныхъ постановленій Стоглава, вызванныхъ естественной, національной и самолюбивою гордостью хвалить только свое, согласно духу времени, заслуживаютъ осужденія, но осужденія справедливаго и безпристрастнаго, привыкшаго разсматривать историческія событія въ связи со временемъ, въ какое они появились, и раскрывать настоящее ихъ мѣсто и значеніе, не отвергая въ исторіи всякій самостоятельный разумъ событий; а вмѣстѣ нужно согласиться и съ тѣмъ, что Стоглавый соборъ имѣетъ большее значеніе въ исторіи русской церкви, чѣмъ въ исторіи старообрядства. Быть твердой опорой для старообрядства онъ не можетъ уже потому, что самъ говоритъ противъ него; въ исторіи-же русской церкви онъ оставилъ глубокій слѣдъ: сознаніе, присущее отцамъ этого собора, потребности исправленія церковной жизни и упорядоченія церковнаго управленія и суда не прошло безслѣдно: оно, хотя и въ болѣе позднее время, отразилось въ исторіи русской церкви и дало возможность совершить то, къ чему стремился Стоглавый соборъ.

Н. Писаревскій.